

УДК 316.35

DOI 10.18522/2227-8656.2020.6.4

**РАДИКАЛИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ
В РОССИЙСКОЙ
МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ
В КОНТЕКСТЕ ИЗБЫТОЧНЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ
НЕРАВЕНСТВ**

**RADICALISM AND EXTREMISM
IN THE RUSSIAN
YOUTH ENVIRONMENT
IN THE CONTEXT
OF EXCESSIVE SOCIAL
INEQUALITIES**

Сериков Антон Владимирович

Кандидат социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет;
руководитель направления по взаимодействию
с партнерами президентской платформы
«Россия – страна возможностей»,
г. Москва, Россия,
e-mail: avserikov@sfnu.ru

Anton V. Serikov

Candidate of Sociological Sciences, Associate
Professor, Southern Federal University;
Head of the Department for Interaction with
Partners of the Presidential Platform
«Russia is a State of Opportunities»,
Moscow, Russia,
e-mail: avserikov@sfnu.ru

Целью статьи является социологический анализ избыточных социальных неравенств в российском обществе как субъектного фактора радикализма и экстремизма в молодежной среде. Автор статьи полагает, что, несмотря на значимый теоретический задел и социологическую информацию, радикализм и экстремизм в российской молодежной среде актуализируют аналитический потенциал субъектно-деятельностного подхода. Теоретическая проблема состоит в том, что радикализм и экстремизм являются феноменами социального сознания и социального поведения молодежи, содержат

The purpose of the article is a sociological analysis of excessive social inequalities in Russian society as a subjective factor of radicalism and extremism among young people. The author of the article believes that despite the significant theoretical background and sociological information, radicalism and extremism in the Russian youth environment actualizes the analytical potential of the subject-activity approach. The theoretical problem is that radicalism and extremism are phenomena of social consciousness and social behavior of young people, contain a procedure for "transferring" attitudes to excessive social inequalities, such

процедуру «перевода» установок на избыточные социальные неравенства как социальную несправедливость в состоянии социальной неудовлетворенности и порождают эффекты социальной депривации, неуверенности в будущем, социальной агрессивности. Следствием можно считать выбор экстремистских поведенческих стратегий, ориентированных на конфликт с обществом и государством, легитимацию социального насилия как способ достижения социальной справедливости. Как отмечает автор, хотя готовность к экстремистским действиям выражают 2–2,5 % молодых россиян, социальный риск состоит в том, что, являясь ядром, молодые экстремисты используют радикалистские настроения в молодежной среде и представляют себя борцами за социальную справедливость. Как следствие, и это является доминантным выводом статьи, формируются группы сочувствующих экстремистам среди молодых россиян, хотя и с благополучными социальными показателями, но испытывающих недоверие к властным и общественным институтам, ориентируясь на экстремистов в качестве группы с высокой степенью негативной социальной мобилизации. Таким образом, избыточные социальные неравенства, являясь социально значимой проблемой в молодежной среде, повышают уровень рисков радикализма и экстремизма, выражающих негативное отношение молодежи к социальным реалиям российского общества.

Ключевые слова: радикализм; экстремизм; российская молодежная среда; социальные избыточные неравенства; социальная неудовлетворенность; институциональное недоверие; неуверенность в будущем.

as social injustice, into a state of social dissatisfaction and generate the effects of social deprivation, uncertainty in the future, and social aggression. The consequence can be considered the choice of extremist behavioral strategies focused on conflict with society and the state, the legitimation of social violence, as a way to achieve social justice. As the author notes, although 2-2.5 % of young Russians express readiness for extremist actions, the social risk is that, being the “core,” young extremists use radicalist sentiments in the youth environment and present themselves as fighters for social justice. As a consequence, and this is the dominant conclusion of the article, groups of young Russians who sympathize with extremists are formed, although with favorable social indicators, but who do not trust government and public institutions, focusing on extremists as a group with a high degree of negative social mobilization. Thus, excessive social inequalities, being a socially significant problem in the youth environment, increase the level of risks of radicalism and extremism, as expressing the negative attitude of young people to the social realities of Russian society.

Keywords: radicalism; extremism; Russian youth environment; excessive social inequalities; social dissatisfaction; institutional distrust; uncertainty in the future.

Изучение молодёжного радикализма и экстремизма является традицией социологической мысли, основанной на работах К. Манхейма, согласно которым проблема молодёжи в современном обществе заключается в том, что может дать нам молодёжь и что мы можем ожидать от молодёжи (Манхейм, 1992. С. 441). Однако сама формулировка вопроса сподвигла Манхейма к выявлению социологической особой функции молодёжи, когда в преддверии грозных событий Второй мировой войны социолог полагал, что

для общества жизненно важным является воспитание у молодёжи демократических ценностей, но ещё один урок состоял в том, что молодёжь, являющаяся группой потенциальной социальной энергии, ориентирована на социальные изменения, и то, что кажется общей теорией и общими идеями, имеет социально-практический смысл в конкретности радикализма и экстремизма. Американские социологи испытывали влияние молодёжной революции 60-х гг. XX в., подчеркивая при этом, что общество оказалось неготовым к переменам в социальных настроениях молодёжи и в социально-возрастной акселерации (Американская социология ... , 1972. С. 392). Следует подчеркнуть, что для отечественной социологической мысли характерно движение от упрощенной социально-классовой идеологической структуры молодёжи, понимания её социальной неоднородности и одновременно общих сходных позиций в отношении к системным явлениям и поведенческим стереотипам на межгрупповом и межличностных уровнях. Формулируя исследовательскую задачу относительно радикализма и экстремизма молодёжи, необходимо исходить из того, что российская молодёжь, несмотря на агрессию социального демографического потенциала, является группой социального воспроизводства, существуют реальные проблемы, связанные с молодёжью как субъектом воспроизводства социальной структуры и как объектом социологического анализа. Есть определенное противоречие в том, что молодёжь признаётся и верифицируется как субъект социального воспроизводства, но в той же степени сильна доминанта объективизма по отношению к молодёжи и её положения в социально-исторических, социально-средовых рамках (Горшков, 2019. С. 45). Между тем актуальным является вопрос о специфике радикализма российской молодёжи, которая преждевременно пытается глобализироваться с неоднозначными эффектами глобализации. Однако для отечественной социологии инструмент социальной диагностики определяет радикализм молодёжи в качестве не врожденного перманентного свойства, а генерируемого определенными социальными субъектно-объектными факторами. Для М.К. Горшкова свойственно выявление специфики российского радикализма молодёжи, исходя из того, что молодёжь является и социально-возрастной и социально-культурной группой. В этом контексте становится важным выявление методологических оснований анализа молодёжного радикализма в российской молодёжной среде.

Было бы целесообразным начать с того, что отечественная социологическая мысль имеет в своей основе солидную функционалистскую традицию, работы российских авторов, посвятивших свои исследования определению положения молодёжи в российском обществе, закрепляют принципы функционализма того, какую роль выполняет молодёжь в социальной

структуре общества, какая социальная миссия на неё возложена, как относятся молодежь к осознанию своей миссии и как этому способствуют властные и воспитательные институты. Работы в направлении функционализма зафиксировали определённые конкретные результаты – радикализм в российской молодёжной среде интерпретируется как состояние дисфункциональности, распада институтов регулирования молодёжи предшествующего периода и неразвитость, неинтегрированность складывающихся институциональных практик в молодёжной среде. Об этом достаточно подробно излагается в работах Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова, что эта позиция может быть признанной для обоснования концепции включения молодёжи в социальную структуру, но недостаточно для её применимости при изучении как субъекта общественных изменений (Зубок, 2009. С. 61). При всей оценке ограниченности структурно-функционального подхода можно говорить о том, что функциональность в объяснении радикализма в российской молодёжной среде показывает удовлетворительный результат при объяснении перехода молодёжи от латентно-протестных действий к открытой конфликтности с властными институтами.

В период поздней перестройки обнаружился кризис идеологических и общественно-политических схем работы с молодёжью, на первый план выдвинулось культурное направление, связанное с исследованиями молодёжных субкультур. Было зафиксировано, что молодое поколение, невосприимчивое к идеологическим схемам, оторванным от жизни и испытывающим дистанцию к методам управляемого воздействия на настроения и поведение молодёжи, ориентируется на новые формы самоорганизации, определяемые логикой поколенческой специфики. В этом контексте важно отметить, что закрепляется поворот к субъектности молодёжи, который признавался в ограниченных пределах в качестве общественно-политической активности молодёжи в 70-е гг. XX в. Тем не менее последующие постсоветские трансформации привели к тому, что политическая и культурная активность молодёжи уступила место схемам интеграции в новые социальные экономические реалии. Здесь важное место обретает принцип субъектности, который реализуется в субъектно-деятельностной схеме М.К. Горшкова.

Массовое социальное отчуждение, недоверие молодёжи к социальным институтам – и в ответе на вопрос «Что намерена делать молодёжь в новых условиях?» напрашивался вывод о том, что здесь следует учитывать фактор социальной неоднородности, социальное противоречие не конвертируется в системах идеологических предпочтений, притом что было зафиксировано существование крайних позиций – сторонники радикальных рыночных реформ, коммунистической идеологии, русского национального возрождения (Горшков, 2010. С. 97). Перспективной в методологическом

плане для исследователей представлялась сфера социального самосознания, динамика социальных настроений молодёжи, которая является наиболее стабильным фактором её положения в обществе, поэтому субъектно-деятельностная схема, определяющая молодёжь в контексте объективно-субъективных факторов, явилась стартом комплексного изучения молодёжи в современном российском обществе.

Необходимо отметить, что, не отрицая значимости достигнутых результатов в исследовании российской молодёжи, культурного направления функционализма и последствий применяемых схем общества рисков и пространственной идентичности, молодёжный радикализм и экстремизм как негативные социальные феномены проявляются в сознании и поведении молодёжи (Зубок, 2007. С. 82).

Особенность молодёжного радикализма и экстремизма, имеющих общий источник, но принимающий различные формы, определяется сферой социальных настроений социального регулирования саморегулирования молодёжи. Подчёркиваем, что экстремизм не тождествен экстремальности человеческой натуры и было бы бесперспективным искать специфику радикализма и экстремизма российской молодёжи в национальных архетипах, хотя есть основание полагаться на историческую память о традициях экстремизма в дореволюционный период. Для исследователей, как понимал свою задачу М.К. Горшков, важную методологическую роль играет социальная самооценка, содержащая дифференциальность к социальным и нравственным нормам и работающая по схеме агрессивной спонтанности. Казалось бы, какое отношение имеет индифферентность молодёжи к социальным противоречиям в той же степени, как и институциональное недоверие к радикализму и экстремизму. Поясним, что мы различаем радикализм и экстремизм по субъектному параметру – радикализм является потенциалом экстремизма, характеризует социально реактивное сознание как результат упрощения сложных социальных явлений, редукции к схемам неприятия. Экстремизм актуализирует радикализм, переводя в сферу социально активных действий, готовности к вступлению в конфликт с обществом на межгрупповом и макросистемном уровнях. Специфика радикализма и экстремизма в молодёжной среде российского общества, как подчёркивает М.К. Горшков в исследовании первого десятилетия XXI в., заключается в том, что нигилизм по отношению к российской государственности присутствовал у 36,4 % опрошенных (Горшков, 2019. С. 76), это не означало, что занимающие данную позицию молодые россияне являются радикалами, но результатом можно считать не только недоверие к государственным институтам, но и сочувствие и поддержку радикальных молодёжных групп, и здесь, возвращаясь к практике молодёжных субкультур, как показывают

последние исследования, в спектре субкультурных течений, радикалистские направления составляют до четверти, включая не только фанатов как наиболее устойчивое экстремистское движение, но и новые социокультурные феномены, к которым относятся последователи различных языческих культов, геймеры, экологи. Необходимо отметить, что анализ социального состава этих групп обнаружил интересное явление в том, что среди них до 75 % составляют неудовлетворённые своими социальными условиями и карьерными перспективами, и если отметить компенсирующе-замещающую роль субкультур, то её последствиями является не только уход молодёжи на микрогрупповой уровень, или, по-другому говоря, в «параллельный мир», но и переориентированность на контур действий, связанных с готовностью к экстремистским действиям. Не останавливаясь на просчётах государственной молодёжной политики, на взаимоотношениях с представителями молодёжных субкультур, обратим внимание на то, что в кризисных условиях к радикализму настроения и оценок может тяготеть и местная социально благополучная по внешним показателям, уровню доходов, условиям работы и перспективам карьеры молодёжь. На наш взгляд, это означает, что анонимные позиции экстремизма и радикализма являются результатом проекции на социальное самочувствие молодёжи и избыточных социальных неравенств в российском обществе. Эта ситуация подтверждается новейшими исследованиями М.К. Горшкова, который, характеризуя настроения российской молодёжи в объёмной монографии «Российское общество как оно есть», результирующий опыт социальной диагностики, отмечает ориентированность молодёжи на самостоятельную общественно-политическую активность и слабую связь с организованными структурированными молодёжными движениями.

В целом, как констатирует исследователь, массового прихода молодёжи в политику не предвидится (Горшков, 2016. С. 302). Принимая во внимание вышеотмеченный фактор малочисленности объединений, созданных самой молодёжью для её собственных интересов, напрашивается вопрос о том, что большинство российской молодёжи характеризуется низкой степенью готовности к коллективной мобилизации, что не развит потенциал самоорганизации и саморегулирования, однако это объясняется не в последнюю очередь тем, что в сформировавшейся институциональной системе российского общества молодёжь затрудняется ответить на вопрос о том, какие организационные формы способны сформировать у неё потребность в самоорганизации, уверенность в собственных силах и умение консолидироваться совместно со своими сверстниками или соратниками для решения как личных, так и общественно полезных задач (Горшков, 2016. С. 303). Есть основание считать, что существует корреляция (взаимозависимость)

между отмеченной позицией социальной пассивности молодёжи и одновременно её стремлением к самореализации и влиянием в обществе социальных избыточных неравенств. Характеризуя избыточное (несправедливое) социальное неравенство, можно говорить о структурировании социальных отношений, фиксирующем социальное различие как имеющее основание несправедливости, неравенства возможностей, в социальном наследственном статусе использования должностного положения, приватизации общественных ресурсов. Несмотря на то что молодые россияне являются, на первый взгляд, самой активной группой российского общества, избыточные социальные неравенства особенно остро воспринимаются в молодёжной среде, нацеленной на достиженчество, на самостоятельное вступление в социальную жизнь, на актуализацию собственного творческого и профессионального потенциала. Если профессиональная карьера и стартовая площадка не являются оптимальными в контексте неравенства семейно-культурного и социального капитала как неличностного достижения, возникает ситуация радикализации настроений, восприятия большого мира (общества) как несправедливого, благоприятного только для избранных. Отсюда, как отмечает М.К. Горшков, избыточное социальное неравенство становится источником формирования социального негативизма, переходящего у молодых россиян – нереализованные высокие социальные ожидания, неуверенность в будущем – в радикальные, а на поведенческом уровне – в экстремистские настроения. По мнению российских социологов, 2–3 % молодёжи являются постоянными носителями агрессии, составляя её базовую границу, 10–15 % являются людьми, явно способными к воздействию идеологии и пропаганды (Горшков, 2016. С. 584). Однако, характеризуя радикальный и экстремистский потенциал молодёжи, стоит избегать упрощений, когда нельзя полностью согласиться с тем, что 2–3 % образующих ядро экстремизма – это люди с врожденными способностями к агрессивности. Можно предположить, что архетипы агрессивности является спусковым механизмом конвертации в радикализм, что отношение к готовности к радикальным действиям свойственно определённому психологическому типу личности. Вместе с тем мы отмечаем и исследуем радикализм и экстремизм как массовые феномены, и следовательно, необходим переход к межгрупповому уровню. В этом контексте не только социальное избыточное неравенство является фоновым стимулирующим и провоцирующим агрессивное настроение, но и включается механизм самооценки личности, ориентированности на радикальную социальную активность, которая при условиях ослабления государственных институтов, неспособности государственной молодёжной политики решать назревшие социальные молодёжные проблемы и проблемы государства в целом становится экстремистской. В форми-

ровании радикализма и экстремизма нельзя исключать и воздействие социальных избыточных неравенств как дифференцирующего фактора. На уровне самоорганизации радикализм может ощущаться как принадлежность к группе непокорных и бунтарей. Безусловно, в радикализме и экстремизме содержится элемент социальной эксклюзии, исключение из большинства, противопоставление конформистам, и этим объясняется тот факт, что экстремизм дистанцирует от себя определенную часть радикально настроенной молодёжи, не готовой тем не менее перейти к совершению противоправных действий, к пропаганде агрессии и насилия. Этот момент отмечали американские социологи, для которых культура хиппи как идеология бунтарства сошла на нет, уступив место поколению карьеристов, среди которых многие являлись носителями бунтарского стиля. Специфика российского радикализма и экстремизма не отменяет момент наступления конформизма, но есть и определенный акцент в том, что избыточное социальное неравенство в российском обществе закрепляет в молодёжном сознании позицию отчуждения. В обществе большинство уверено в том, что хорошо устроиться в жизни можно только по благу, с помощью неформальных социальных связей, что «тёплые местечки» являются наследственными, что сформировались устойчивые социальные барьеры и путь для талантливой способной молодёжи, не имеющей достаточного социального капитала, наверх путь закрыт, что исключение только подтверждает правило. Таким образом, отмечая избыточное социальное неравенство как конструируемую реальность, имеющую реальные последствия для жизненной позиции молодых россиян, М.К. Горшков обращает внимание на принцип субъектности в качестве барьера на пути молодёжного радикализма и экстремизма. Важным является тот момент, как показывают результаты социологических исследований, что удовлетворенность жизнью возникает на основе не только материальных, но и нематериальных показателей, таких как чрезмерность социального уклада, возможность самореализации, профессиональная престижность. Неслучайно большинство опрошенной молодёжи, признавая реальность социального неравенства, обостренно относится к избыточной несправедливости как к фактору, влияющему на жизненную траекторию.

Показательно, что в общественном сознании к наиболее болезненным для общества в целом в современной России, согласно исследованиям, проведённым М.К. Горшковым в 2015 г., относятся неравенство возможностей для детей из разных слоёв общества – 31 %, неравенство в доступе к хорошим рабочим местам – 48 %, неравенство в доступе к образованию – 40 %. Иными словами, общество в целом, а молодёжь разделяет эту позицию, озабочено проблемами, затрагивающими будущее молодёжи, и следова-

тельно, можно говорить о том, что динамика социальных неравенств смещается в проекцию возможностей реализации жизненных карьер. Из этого можно предположить, что социальное неравенство, затрагивающее такие черты молодёжи, как уверенность в будущем и возможность повышения социальных шансов, актуализирует радикализм, а в политическом измерении приводит к экстремизму.

В исследовании последних лет, анализирующем посткрымское состояние России, подчёркивается, что хотя доля молодых людей, участвующих в общественных и политических организациях, значимо не изменилась, есть определенные тренды, позволяющие говорить о расширении потенциала молодежного радикализма, в частности, не только обретают вес позитивные социальные движения как социальное волонтерство, но и распространяются интернет-сообщества по интересам, где часто можно встретить сайты экстремистской направленности. Здесь нужно говорить не об эффекте внешнего влияния, а о том, что специфика радикализма российской молодёжи проявляется в латентной форме агрессии, направленной часто в никуда, но в целом возникает конфигурация субъективных факторов, свидетельствующих о том, что, не имея возможности или желания взаимодействовать с обществом или властями в реальном социальном пространстве, страсти и эмоции перемещаются в виртуальную сферу, это достаточно небезобидная для общества вещь, так как известные технологии флешмоб-акций собирают интернет-пользователей для выражения экстремистского драйва, в той же степени исследовательский интерес представляет то, что российская молодёжь переключается на экстремистские организации, которые используют интерес молодёжи к новым видам социальной активности. Например, в экологической сфере активно занимаются созданием структур экологического экстремизма. Можно сказать, что в спектре экстремистских движений сформировались сегменты, имеющие глобальный адресат, но выражающие специфику радикализма и экстремизма в молодёжной среде. Действительно, защита окружающей среды выглядит как модное и приемлемое явление с точки зрения общественных настроений. Другое дело, как показал недавний инцидент по Химкинскому лесу, происходит негативная мобилизация молодёжи, и эта тенденция нарастает. Мы видим по ситуации в Архангельской области, что не только расширяются географические масштабы, но и изменяется характер молодежного радикализма, перерастающего в экстремизм, как отмечалось ранее, под формой защиты интересов общества и молодёжи, озабоченной своим будущим и будущим детей. Социальное неравенство здесь играет определенную роль, поскольку в России наблюдается процесс пространственной дифференциации, который происходит особенно заметно в таких мегаполисах, как Москва и Санкт-Петербург. Происходит

деление районов проживания на благополучные (Кутузовский проспект в Москве, Запад Москвы) и неблагополучные (Бирюлёво, Текстильщики, Южный порт). В той же степени можно говорить о том, что формирование избыточных социальных неравенств в молодёжной среде внешне перекрывает политическую активность молодёжи, судя по оценкам, речь идёт о потере интереса к традиционной политической деятельности, но, если сравнить с данными С. Беликова, вместе с потерей интереса к политическому экстремизму и сокращением влияния глобализации молодёжный экстремизм принимает неформальный характер: вместо известных люберов, хиппи, металлистов, панков, антифа на смену приходят экстремистские движения с либеральной внешне платформой, ориентированной на права человека, если учитывать то, что факторы и свойства раннего постсоветского периода перестали существовать или проявляются в одних формах (Беликов, 2012. С. 14). Речь идёт о том, что в нынешних условиях, несмотря на ушедшую моду на стиль жизни экстремистов 90-х гг., есть повод говорить об активизации радикальной группы молодёжи, нацеленной не на совершение открытых террористических актов и криминальных разборок с оппонентами, а можно предложить, что проведение противоправных акций происходит по схеме и по логике присоединения к интересам большинства, при охране культурно-исторического наследия, лимитировании жилищного строительства, сохранении зеленых зон – означает ли это, что речь идёт о стремлении легализоваться, отступить от опасных пределов. С другой стороны, можно назвать современный молодёжный экстремизм амбивалентным, имеющим перспективу в различных сферах общественного презентатизма.

Сфера социальных неравенств, как в контексте общественной позиции молодёжи, исследуется российским исследователем по схеме социальной субъектности молодёжи, т. е. социальное неравенство имеет глубинное, часто латентное выражение, именно в этом и проявляется специфика молодёжного экстремизма в российском обществе, оно является потенциалом молодёжного экстремизма. Согласно исследованиям М.К. Горшкова, 84,7 % молодёжи в возрасте 16–30 лет не имеют опыта участия в политических протестах, демонстрациях, митингах, забастовках, среди молодёжи, имеющей такой опыт, в политических протестах участвовали часто 3,1 %, 12,2 % – редко (Горшков, 2019. С. 210). Но в том и есть вклад исследователя в понимание молодёжного радикализма и экстремизма в российском обществе, так как недостаток опыта является в большей степени, как ни парадоксально, фактором возрастания рисков экстремизма. Российская молодёжь не имеет традиций цивилизованного политического действия и в большей степени склоняется к образцам поведения анархистов и радикалов Западной Европы, которые выступают на политической авансцене. К тому же можно

добавить, что в условиях углубления кризисных явлений и болезненного восприятия социального неравенства те, кого мы относим к группе нерегулярных участников, вполне себе способны мобилизоваться под воздействием пропаганды экстремистской направленности. Это означает, что социальные неравенства становятся субъективными и включенными в поведенческие практики молодёжи. Нелишним будет напомнить, что в российском обществе протестная деятельность может принимать открытый катастрофический характер, если упускать из внимания остроту болезненности избыточных социальных неравенств. К такому выводу мы приходим на основании исследования социальных неравенств как проблемы в российской молодёжной среде, затрагивающей практически все сферы общественной жизни, но фокусируемых для молодёжи в оценке своих стартовых возможностей, жизненных шансов, уверенности в будущем. Исследования по социальным неравенствам только благодаря усилиям М.К. Горшкова переместились в сферу социального сознания. Становится понятно, что структурные условия социальных неравенств, основанные на применении социально-стратификационного подхода, содержат значимые результаты для понимания социоструктурных изменений в российском обществе, но только в определенной степени затрагивающие сферу социального сознания, особенно в российской молодёжной среде. Из этого можно сделать вывод о том, что молодёжный экстремизм и радикализм, являясь поведенческими факторами, имеют потенциал в радикализации настроений в сфере восприятия оценки избыточных социальных неравенств. Закрепившись в позиции, что жизнь в России бесперспективна, что впереди нет просвета, что хорошие места уже заняты, молодые россияне, имея внешне позитивные показатели доходов, образования, профессии, радикализуются, испытывая недоверие к власти как не способной обеспечить в обществе равенство возможностей. Молодёжный радикализм и экстремизм являются сторонами одной медали и связаны, как отмечал ещё К. Манхейм, социальными диспропорциями. По мнению немецкого социолога, важным является социальное планирование, если перевести эту мысль на язык современных российских реалий, становится ясным, что молодёжная политика с усилием пытается сформировать гражданскую идентичность молодёжи и внедрить гражданский патриотизм в молодёжной среде. Не может быть эффективной вне её перенаправленности на сферу нейтрализации избыточных социальных неравенств, что не только означало бы сужение социального пространства для роста экстремистских настроений в молодёжной среде, в первую очередь среди пассивного большинства, но и определяло бы противодействие молодёжному экстремизму на уровне социально-защитных механизмов, возможности расширения коридора для социальной самореализации, при кото-

рой экстремистская активность не воспринимается и рассматривается молодёжью как маргинальное явление. В этом смысле концепция социального неравенства, сформулированная М.К. Горшковым и его коллегами, содержит мощный социально-диагностический потенциал и определяет тренд молодёжной политики от социального диагноза к социальной диагностике, практическому действию, построенному на знании реальных процессов, происходящих в молодёжной среде.

Литература

Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972.

Беликов С. Антифа. Молодёжный экстремизм в России. М., 2012.

Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) : в 2 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2016. Т. 2.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М., 2019.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.

Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: опыт исследования молодежи. М., 2007.

Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях определённости. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодёжи. М., 2008.

Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социология молодежи : учеб. пособие. М., 2009.

Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1992.

Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012.

References

American Sociology: Perspectives, Problems, Methods. (1972). M. (in Russian).

Belikov, S. (2012). Antifa. Youth extremism in Russia. M. (in Russian).

Gorshkov, M.K. (2016). Russian society as it is (experience of sociological diagnostics). In 2 vols. Ed. 2nd, revised and add. M., 2. (in Russian).

Gorshkov, M.K., Sheregi, F.E. (2019). Russian youth in the mirror of sociology. To the results of long-term research. M. (in Russian).

Gorshkov, M.K., Sheregi, F.E. (2010). Youth of Russia: sociological portrait. M. (in Russian).

Zubok, Yu.A. (2007). The phenomenon of risk in sociology: the experience of youth research. M. (in Russian).

Zubok, Yu.A., Chuprov, V.I. (2008). Social regulation in conditions of certainty. Theoretical and applied problems in youth research. M. (in Russian).

Zubok, Yu.A., Chuprov, V.I. (2009). Sociology of youth. Textbook. (in Russian).

Mannheim, K. (1992). The diagnosis of our time. M. (in Russian).

Shkaratan, O.I. (2012). Sociology of inequality. Theory and reality. M. (in Russian).

Поступила в редакцию

30 сентября 2020 г.